

DOI 10.35775/PSI.2026.126.2.028

УДК 32.327

А.И. ВИЛЬДАНОВ

аспирант, Российский государственный
гуманитарный университет,
Россия, г. Москва
E-mail: AmalVildanov2026@yandex.ru

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ САУДОВСКОЙ АРАВИИ И ИРАНА И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА УСТОЙЧИВОСТЬ МИРОВЫХ НЕФТЯНЫХ РЫНКОВ И МЕХАНИЗМОВ ОПЕК ПЛЮС

Статья анализирует энергетическую дипломатию Саудовской Аравии и Ирана как ключевой фактор устойчивости мировых нефтяных рынков в условиях трансформации ОПЕК в формат ОПЕК+ и нарастающей неопределенности, связанной с санкционными режимами, геополитической конфронтацией и энергопереходом. Показано, что саудовская стратегия опирается на роль «свинг-продюсера», институционализацию координации добычи и легитимные инвестиционно-инфраструктурные механизмы закрепления на азиатских рынках, тогда как иранская линия формируется логикой «экономики сопротивления», приоритетом максимизации краткосрочной цены и использованием гибких, часто непрозрачных каналов экспорта и расчетов. Сопоставление доктринальных установок демонстрирует семантические расхождения в трактовке «стабильности» и «справедливой цены», что усиливает переговорные эффекты скрытого конфликта при формальном согласии. Рассмотрены изменения дипломатического инструментария от квотной политики к финансовым схемам, логистике и информационному сопровождению, а также влияние внутривластных механизмов принятия решений: саудовской вертикали и иранской полицентричности с заметной ролью силовых структур. Делается вывод о том, что устойчивость ОПЕК+ поддерживается управлением конфликтом и посредническими возможностями внешних акторов при сохраняющихся структурных противоречиях.

Ключевые слова: энергетическая дипломатия, Саудовская Аравия, Иран, ОПЕК+, устойчивость нефтяных рынков.

Введение. Трансформация глобального энергетического ландшафта, наблюдаемая в последние десятилетия, неизбежно влечет за собой переосмысление роли ключевых игроков ближневосточного региона, чье влияние простирается далеко за пределы простого экспорта углеводородов. Саудовская Аравия и Иран, представляющие собой два полюса силы в регионе Персидского залива, исторически выстраивали свои внешнеполитические доктрины с опорой на колоссальные запасы нефти, что позволяло им не только формировать бюджеты, но и проецировать политическую волю на международной арене. Энергетическая

дипломатия этих государств представляет собой сложный конгломерат экономических интересов, религиозно-идеологических установок и вопросов национальной безопасности, которые переплетаются в единый узел противоречий и временных альянсов. В условиях, когда традиционные механизмы регулирования рынка, такие как Организация стран-экспортеров нефти, претерпевают структурные изменения, эволюционируя в расширенный формат ОПЕК+, взаимодействие Эр-Рияда и Тегерана приобретает особое значение для понимания будущей архитектуры мировой энергетической безопасности. Сложность данного взаимодействия обусловлена тем, что оба актора действуют в пространстве, где экономическая целесообразность часто вступает в конфликт с геополитическими амбициями [11. С. 138-148], создавая турбулентность, ощущаемую на всех мировых биржевых площадках.

Исторический контекст взаимоотношений двух стран характеризуется цикличностью, где периоды прагматичного сотрудничества сменяются фазами острой конфронтации, часто принимающей формы прокси-конфликтов на территориях третьих стран. Однако именно нефтяной фактор неизменно оставался тем базисом, который заставлял стороны искать точки соприкосновения даже в моменты наивысшего дипломатического напряжения. Саудовская Аравия, традиционно позиционирующая себя как гарант стабильности поставок и «центральный банк» нефтяного рынка, использует свои резервные мощности для сглаживания ценовых колебаний, стремясь поддерживать статус-кво, выгодный как производителям, так и потребителям. Иран же, находясь под жестким прессингом международных санкций, вынужден прибегать к более агрессивным и нестандартным методам ведения энергетической политики, рассматривая нефть как инструмент сопротивления и рычаг давления на западные страны. Эта дихотомия стратегий [2. С. 32-56] порождает уникальную динамику внутри картеля, где борьба за квоты и рынки сбыта становится отражением более глубоких цивилизационных и политических разломов.

Современный этап развития энергетических рынков характеризуется высокой степенью неопределенности, вызванной как макроэкономическими факторами, так и глобальным трендом на декарбонизацию. В этой связи адаптация внешнеполитических стратегий Эр-Рияда и Тегерана к новым реалиям становится критически важной не только для их собственного выживания, но и для устойчивости всей системы международных отношений. Формирование альянса ОПЕК+, включившего в орбиту регулирования Россию и ряд других государств, создало новую площадку для саудовско-иранского диалога, где правила игры определяются уже не только внутренними противоречиями картеля, но и необходимостью консолидированной реакции на внешние вызовы. Способность этих двух антагонистов находить компромиссы в рамках расширенного формата стала своего рода лакмусовой бумажкой, демонстрирующей предел прочности всей конструкции глобального нефтяного регулирования. Вопросы, касающиеся того, насколько долгосрочным может быть этот ситуативный союз и какие факторы

способны разрушить хрупкий баланс интересов, требуют глубокого анализа, выходящего за рамки стандартных экономических моделей.

Особый интерес представляет рассмотрение того, как энергетическая дипломатия используется в качестве инструмента «мягкой» и «жесткой» силы. Для Саудовской Аравии инвестиции в перерабатывающие мощности по всему миру и участие в глобальных климатических инициативах становятся способом улучшения имиджа и диверсификации экономики в рамках программы «Видение-2030». Иран, напротив, развивает «экономику сопротивления», делая ставку на серые схемы экспорта и развитие нефтехимического сектора как способа обхода эмбарго. Эти разнонаправленные векторы развития [14. С. 144-150] создают сложную мозаику интересов, где конкуренция за азиатские рынки сбыта соседствует с необходимостью координации ценовой политики. Понимание внутренних механизмов принятия решений в Эр-Рияде и Тегеране, а также анализ доктринальных документов, определяющих их энергетическую стратегию, позволяет выявить скрытые пружины, движущие мировыми ценами на углеводороды. В условиях, когда мировая экономика балансирует на грани рецессии, а геополитическая карта мира перекраивается, роль саудовско-иранского тандема, пусть и конфликтного по своей природе, становится определяющей для энергетической безопасности планеты.

Материалы и методы исследования. Методологическая основа данного исследования базируется на принципах системного подхода, позволяющего рассматривать энергетическую дипломатию Саудовской Аравии и Ирана как целостную, многоуровневую систему, встроенную в глобальный контекст международных отношений. В работе применен сравнительно-политологический анализ, направленный на выявление общих и специфических черт в стратегиях двух государств, а также историко-генетический метод, позволяющий проследить эволюцию их взаимоотношений через призму нефтяного фактора. Особое внимание уделено контент-анализу официальных документов, заявлений государственных деятелей и дипломатической переписки, что позволило реконструировать логику принятия решений и выявить скрытые мотивы, стоящие за теми или иными действиями на нефтяном рынке. Для верификации теоретических положений использовался метод ивент-анализа, посредством которого были изучены ключевые события в истории ОПЕК и ОПЕК+, ставшие поворотными моментами в отношениях между Эр-Риядом и Тегераном.

Эмпирическая база исследования включает в себя широкий массив источников, общий объем которых превышает 200 единиц. В их число входят уставные документы ОПЕК, тексты соглашений в формате ОПЕК плюс, национальные стратегии развития («Видение-2030» Королевства Саудовская Аравия и планы развития Исламской Республики Иран), отчеты международных энергетических агентств, а также материалы дипломатических ведомств. Важным компонентом источниковой базы послужили публикации ведущих мировых аналитических центров, специализирующихся на проблемах Ближнего Востока и энергетической безопасности [4. С. 98-107]. Хронологические рамки исследования

охватывают период с момента формирования ОПЕК до настоящего времени, с особым акцентом на событиях последнего десятилетия, когда трансформация рынка достигла наивысшей интенсивности.

Применение междисциплинарного подхода, сочетающего в себе инструментарий политологии, экономики и истории, позволило преодолеть ограничения узкоспециализированных исследований и сформировать комплексное представление о предмете. В ходе работы была сформирована репрезентативная выборка кейсов, иллюстрирующих различные сценарии взаимодействия двух стран: от полной блокировки решений картеля до выработки скоординированной позиции перед лицом внешних угроз. Критический анализ литературы, как западной, так и ближневосточной, позволил избежать односторонних трактовок и представить сбалансированный взгляд на проблему, учитывающий интересы всех вовлеченных сторон. Работа с источниками на языках оригинала способствовала более глубокому пониманию нюансов политической риторики и доктринальных установок, зачастую теряющихся при переводе.

Результаты и обсуждение. Современная архитектура нефтяного рынка не может быть адекватно понята без углубленного анализа фундаментальных различий в подходах Саудовской Аравии и Ирана к понятию энергетического суверенитета и роли государства в управлении ресурсами. Эти различия проистекают не только из текущей экономической конъюнктуры, но и из глубоких идеологических оснований, на которых строятся политические режимы двух стран. Для Эр-Рияда нефть долгое время служила инструментом поддержания социального контракта внутри страны и обеспечения безопасности через альянс с западными державами. Тегеран же, прошедший через горнило революции и десятилетия изоляции, выработал уникальную модель, где энергетика является полем битвы за национальное достоинство и независимость. Взаимодействие этих двух концепций внутри институциональных рамок ОПЕК создает постоянное напряжение, которое толкает организацию к трансформации. Сложность ситуации усугубляется тем, что оба государства претендуют на лидерство в исламском мире, что переводит экономическую конкуренцию в плоскость сакральных смыслов и цивилизационного противостояния.

Понимание того, как идеологические установки трансформируются в конкретные дипломатические и экономические шаги, требует деконструкции ключевых понятий, используемых в политическом дискурсе обеих стран. Мы наблюдаем ситуацию, когда одни и те же термины, такие как «справедливая цена» или «стабильность рынка», наполняются диаметрально противоположным содержанием в зависимости от того, звучат ли они с трибун в Эр-Рияде или Тегеране. Это создает эффект «кривых зеркал» в переговорном процессе, когда формальное согласие скрывает под собой глубинные противоречия, готовые прорваться при малейшем изменении внешних условий [15. С. 35-38]. Анализ доктринальных документов позволяет систематизировать эти различия и представить их в виде сравнительной характеристики базовых установок энергетической политики. Сравнение подходов к обеспечению национальной

безопасности через призму энергетического сектора демонстрирует, насколько разными путями идут эти государства к, казалось бы, схожим целям максимизации доходов (табл. 1).

Таблица 1. Концептуальные различия в трактовке энергетической безопасности и суверенитета в доктринах Саудовской Аравии и Ирана

Параметр сравнения	Саудовская Аравия (Королевство)	Иран (Исламская Республика)
Базовая парадигма безопасности	Интеграция в глобальную экономику, взаимозависимость с потребителями, роль гаранта стабильности	Автаркия, «Экономика сопротивления», снижение уязвимости от внешнего давления, самодостаточность
Отношение к международным регуляторам	Использование институтов как инструмента влияния, стремление к лидерству и модерации процессов	Инструментальный подход, использование площадок для критики гегемонии, ситуативное участие
Восприятие нефтяного ресурса	Стратегический актив для модернизации и диверсификации, инструмент «мягкой силы»	Политическое оружие, средство противодействия санкциям, ресурс для финансирования регионального влияния
Стратегия взаимодействия с потребителями	Долгосрочные контракты, инвестиции в downstream за рубежом, надежность поставок	Спотовые сделки, теневой флот, дисконтирование цен, поиск альтернативных каналов сбыта
Видение рыночной цены	Умеренно высокая цена, балансирующая спрос и предложение, предотвращение разрушения спроса	Максимально возможная цена в моменте для компенсации объемов экспорта, ограниченных санкциями

Глубинный анализ представленных концепций вскрывает фундаментальное противоречие в целеполагании двух держав. Саудовская модель, ориентированная на долгосрочную стабильность, предполагает готовность к тактическим жертвам ради стратегического сохранения доли рынка и лояльности ключевых клиентов. Это объясняет периодическую готовность королевства идти на добровольное сокращение добычи сверх квот ОПЕК+, выполняя функцию «свинг-продюсера». Такая политика требует колоссальных финансовых резервов и уверенности в прочности политической системы. В то же время иранская модель, сформированная в условиях перманентного кризиса, носит черты выживания. Для Тегерана каждый баррель нефти, проданный в обход санкций, является победой, а любое ограничение добычи воспринимается как покушение на суверенитет, если оно не компенсируется

ростом цен. Именно поэтому иранская дипломатия внутри картеля часто занимает жесткую, бескомпромиссную позицию, требуя для себя исключений и особых условий [1. С. 2939-2951], ссылаясь на историческую несправедливость санкционного режима.

Дивергенция стратегий неизбежно сказывается на механизмах принятия решений внутри ОПЕК+. Саудовская Аравия стремится институционализировать соглашение, превратить его в постоянный механизм управления рынком с четкими правилами и дисциплиной исполнения. Иран же, напротив, заинтересован в сохранении гибкости и размытости обязательств, что позволяет ему маневрировать в условиях неопределенности. Это создает постоянное трение, которое гасится лишь благодаря пониманию обеими сторонами катастрофических последствий полного развала координации. Можно утверждать, что энергетическая дипломатия в данном случае выступает не как средство разрешения конфликта, а как способ управления им, удержания его в рамках, не угрожающих полным коллапсом нефтяных котировок. В этом хрупком балансе интересов кроется как сила, так и слабость современной структуры нефтяного рынка, зависящей от доброй воли двух непримиримых соперников.

Эволюция дипломатического инструментария, применяемого Эр-Риядом и Тегераном, также претерпела значительные изменения за последние годы. Если в эпоху классической ОПЕК основным орудием были квоты и публичные заявления министров, то сегодня арсенал средств значительно расширился. Мы видим активное использование инвестиционных фондов, создание совместных предприятий в третьих странах, а также сложные финансовые схемы для проведения расчетов. Особенно ярко это проявляется в борьбе за азиатские рынки, которые стали основным центром потребления углеводородов. Здесь конкуренция переходит в плоскость инфраструктурных проектов и логистических решений. Саудовская Аравия активно вкладывается в нефтепереработку Китая и Индии, привязывая потребителей технологически. Иран, лишенный доступа к западным технологиям и капиталу, делает ставку на политические альянсы и бартерные схемы. Сравнительный обзор применяемых инструментов дипломатического влияния позволяет увидеть, как трансформируется само понятие «нефтяной дипломатии» в XXI веке (табл. 2).

Таблица 2. Инструментарий энергетической дипломатии и механизмы влияния на рынки

Категория инструментов	Саудовская дипломатия	Иранская дипломатия
Финансово-инвестиционные механизмы	Суверенный фонд (PIF), покупка долей в НПЗ потребителей, IPO Saudi Aramco	Клиринг, использование криптовалют, бартерные схемы, расчеты в национальных валютах

Категория инструментов	Саудовская дипломатия	Иранская дипломатия
Логистические и транспортные решения	Контроль ключевых маршрутов через легитимные каналы, обеспечение безопасности танкерных перевозок	Использование «теневого флота», перевалка нефти в открытом море (STS), контроль Ормузского пролива как угроза
Информационное сопровождение	Профессиональный PR, прозрачность отчетности (относительная), работа с мировыми агентствами	Дезинформация о реальных объемах экспорта, сокрытие данных, агрессивная риторика в СМИ
Альянсы и партнерства	Стратегическое партнерство с США (с оговорками), ось Москва-Эр-Рияд в ОПЕК+	Стратегическое соглашение с Китаем на 25 лет, взаимодействие в рамках ШОС и БРИКС

Рассматривая данные подходы, становится очевидным, что Саудовская Аравия стремится действовать в рамках легитимного правового поля [3], максимизируя выгоды от существующего миропорядка, даже при попытках его корректировки. Инвестиции в «downstream» (переработку и сбыт) создают подушку безопасности, делая потребителей зависимыми не только от сырой нефти, но и от саудовского капитала. Это стратегия «глубокого укоренения» на рынках. Иранская же тактика напоминает партизанскую войну в экономике: высокая мобильность, скрытность, использование уязвимостей системы. Отсутствие прозрачности, которое часто ставится в вину Тегерану международными наблюдателями, является для него осознанной необходимостью и частью защитной стратегии. В таких условиях традиционные методы мониторинга рынка становятся неэффективными, что вносит дополнительный элемент хаоса в глобальное ценообразование.

Особого внимания заслуживает аспект взаимодействия с внешними игроками, прежде всего с великими державами. Саудовская Аравия, несмотря на диверсификацию связей, остается важным элементом архитектуры безопасности, выстроенной США, хотя доверие в этих отношениях подорвано. Иран же выстраивает свою стратегию на жестком антиамериканизме, опираясь на поддержку Китая и России. Это приводит к тому, что ОПЕК+ превращается из чисто экономического картеля в площадку, где преломляются глобальные геополитические интересы. Решения о сокращении или увеличении добычи теперь рассматриваются не только через призму спроса и предложения, но и как сигналы политической лояльности или неповиновения Вашингтону, Пекину или Москве. Энергетическая дипломатия двух стран, таким образом, выходит на метауровень, становясь частью «большой игры» за переустройство мирового порядка.

В условиях глобального энергоперехода и климатической повестки оба государства сталкиваются с экзистенциальными вызовами, которые требуют пересмотра долгосрочных планов. Нефть перестает быть безальтернативным ресурсом, что сужает временное окно для реализации амбиций. Саудовская Аравия пытается возглавить этот процесс в регионе, провозглашая инициативы по зеленой энергетике и производству водорода, стремясь стать «поставщиком энергии» в широком смысле, а не просто экспортером нефти. Иран, скованный технологическим отставанием и нехваткой инвестиций, вынужден концентрироваться на сохранении текущего уровня добычи газа и нефти, рассматривая зеленый переход скорее как угрозу или инструмент давления Запада [6. С. 62-71]. Различие в восприятии будущего энергетического уклада формирует разные горизонты планирования и влияет на готовность к компромиссам здесь и сейчас. Сравнительный анализ адаптационных стратегий к новым экологическим императивам представлен ниже (табл. 3).

Таблица 3. Стратегии адаптации к глобальному энергопереходу и климатическим вызовам

Направление адаптации	Подход Саудовской Аравии	Подход Ирана
Диверсификация энергобаланса	Масштабные инвестиции в солнечную и ветровую энергетику, проекты по производству зеленого и голубого водорода	Акцент на развитии газового сектора как переходного топлива, попытки развития атомной энергетики
Технологическое развитие	Импорт передовых технологий, создание наукоемких кластеров (NEOM), технологии улавливания углерода (CCUS)	Опора на внутренние разработки, обратный инжиниринг, ограниченный доступ к современным эко-технологиям
Риторика на климатических саммитах	Поддержка Парижского соглашения с оговорками, продвижение концепции «циркулярной углеродной экономики»	Требование финансовой помощи от развитых стран для перехода, акцент на праве на развитие
Экономическая трансформация	Попытка снизить долю нефтяных доходов в ВВП через развитие туризма, финансов, промышленности	Вынужденная диверсификация из-за санкций, развитие ненефтяного экспорта в соседние страны

Оценка адаптационных потенциалов показывает, что Эр-Рияд обладает значительно большими ресурсами для плавной трансформации. Саудовская стратегия заключается в том, чтобы монетизировать углеводородные ресурсы максимально эффективно, пока на них сохраняется спрос, и инвестировать сверхдоходы в технологии будущего. Это создает парадоксальную ситуацию:

один из главных загрязнителей планеты стремится стать лидером в области чистой энергии. Иран находится в более сложном положении: санкции перекрывают доступ к капиталу и технологиям, необходимым для модернизации устаревающей инфраструктуры. Для Тегерана приоритетом остается простое поддержание добычи на физическом уровне, что делает вопросы декарбонизации второстепенными [12. С. 33-39]. Это различие в скоростях и векторах развития создает потенциал для новых конфликтов в будущем, когда экологические стандарты станут барьерами для доступа на рынки.

Глобальный характер этих процессов подчеркивает, что энергетическая дипломатия больше не является закрытым клубом. Влияние общественных движений, корпоративных стандартов ESG и международного права становится все более ощутимым. Саудовская Аравия пытается играть на опережение, интегрируя эти стандарты в свою корпоративную культуру (по крайней мере, декларативно), в то время как Иран воспринимает их как еще один инструмент неокOLONиального давления. Это расхождение в восприятии нормативной базы глобальной экономики может привести к тому, что иранская нефть будет вытесняться в «серую зону» не только из-за политических санкций, но и из-за несоответствия экологическим требованиям, тогда как саудовская продукция сохранит статус «премиальной».

Еще одним важным аспектом является роль личности и династических факторов в формировании политики. В Саудовской Аравии консолидация власти в руках наследного принца привела к более напористой и рискованной внешней политике, готовой к разрыву шаблонов. В Иране сложная система сдержек и противовесов между правительством, КСИР и Верховным лидером делает процесс принятия решений более инерционным, но и более устойчивым к внешним шокам. Понимание этой внутренней кухни необходимо для прогнозирования реакции сторон на кризисные ситуации [8. С. 148-155]. Таблица 4 иллюстрирует различия в институциональном дизайне принятия нефтяных решений.

Таблица 4. Институциональные механизмы принятия решений в сфере нефтяной политики

Характеристика процесса	Саудовская Аравия	Иран
Центр принятия решений	Вертикальная структура: Король/Наследный принц -> Министр энергетики -> Saudi Aramco	Полицентричная структура: Верховный лидер, Высший совет нацбезопасности, Министерство нефти, NIOC
Роль технократов	Высокая в реализации, ограниченная в стратегии, профессиональная элита с западным образованием	Значительная, но подчи- ненная идеологическим установкам, частая ротация кадров по политическим мотивам

Характеристика процесса	Саудовская Аравия	Иран
Влияние силовых структур	Опосредованное, через обеспечение безопасности инфраструктуры	Прямое, участие структур КСИР в экспорте и контроле над потоками, теневая экономика
Скорость реакции	Высокая, возможность мгновенных разворотов курса по воле монарха	Замедленная, необходимость согласования интересов различных кланов и структур

Изучение институциональных различий проливает свет на природу непредсказуемости, с которой сталкиваются партнеры по ОПЕК+. Если саудовская непредсказуемость часто является результатом волюнтаристского решения одного человека, стремящегося шокировать рынок для достижения тактического преимущества, то иранская непредсказуемость системна и проистекает из внутренней борьбы фракций. Силовые структуры Ирана, имеющие собственные каналы сбыта нефти, могут действовать вразрез с официальной линией министерства нефти [13. С. 94-99], что делает любые договоренности с Тегераном потенциально неустойчивыми. В то же время жесткая вертикаль власти в Эр-Рияде гарантирует исполнение принятых решений, но повышает риск стратегических ошибок из-за отсутствия внутренней дискуссии.

Общий анализ представленных данных позволяет констатировать, что мы имеем дело с двумя принципиально различными моделями государственного капитализма в энергетике. Саудовская модель эволюционирует в сторону корпоративизма западного типа с сохранением авторитарного политического каркаса, пытаясь вписаться в глобальный рынок на правах ключевого акционера. Иранская модель дрейфует в сторону мобилизационной экономики осадной крепости, где рыночные механизмы подчинены задачам выживания режима [10. С. 54-55]. Эти тектонические сдвиги в стратегиях двух гигантов формируют сложный рельеф мирового нефтяного рынка, где экономическая логика постоянно искажается политической целесообразностью. Стабильность механизмов ОПЕК плюс в этой конфигурации зависит не столько от рыночных показателей, сколько от способности Москвы и других посредников находить общий язык с этими двумя антагонистами, переводя их конфликт в русло управляемой конкуренции. Взаимозависимость производителей в рамках соглашения стала фактором сдерживания, не позволяющим региональному соперничеству перерасти в полномасштабную нефтяную войну, подобную той, что обрушила цены в 2020 году, однако глубинные противоречия никуда не исчезли и продолжают тлеть под спудом дипломатических коммуникаций [5. С. 3-9].

Выводы. Анализ энергетической дипломатии Саудовской Аравии и Ирана приводит к пониманию того, что современные международно-правовые режимы регулирования энергетических рынков носят во многом условный

характер. Соглашения в рамках ОПЕК+, не являясь юридически обязательными международными договорами в строгом смысле этого слова, держатся на хрупком балансе интересов и «слове джентльмена», что в условиях ближневосточной политики является весьма ненадежным фундаментом. Правовая база взаимодействия двух стран характеризуется отсутствием двусторонних механизмов арбитража или урегулирования споров в энергетической сфере, что переносит центр тяжести на многосторонние форматы или неформальные договоренности при посредничестве третьих сил, таких как Китай или Россия. Отсутствие кодифицированных норм, регламентирующих ответственность за нарушение квот или демпинг, создает пространство для волюнтаризма, где право силы часто подменяет силу права.

Перспективы применения полученных в ходе исследования результатов лежат в плоскости прогнозирования рыночной волатильности и разработки стратегий хеджирования рисков для стран-потребителей и независимых производителей. Понимание логики поведения Эр-Рияда и Тегерана позволяет более точно интерпретировать сигналы, поступающие с нефтяного рынка, отделяя реальные экономические тренды от информационного шума и политического блефа. Очевидно, что в среднесрочной перспективе оба игрока будут вынуждены искать новые формы сосуществования, поскольку эскалация конфликта несет в себе неприемлемые экономические издержки для обеих сторон. Вероятным сценарием является формирование гибридной модели взаимодействия, где жесткая конкуренция за долю рынка в Азии будет сочетаться с вынужденной координацией объемов добычи для поддержания приемлемого уровня цен.

Дальнейшее развитие событий во многом будет определяться успехом или неудачей программ внутренней трансформации экономик двух стран. Если «Видение 2030» Саудовской Аравии начнет приносить ощутимые плоды, это может снизить зависимость королевства от нефтяной конъюнктуры и сделать его политику более гибкой и менее агрессивной. В случае же Ирана ключевым фактором остается режим санкций: любое ослабление давления неизбежно приведет к резкому росту иранского экспорта и новому витку борьбы за квоты внутри ОПЕК. В этом контексте роль аналитического сообщества и экспертной дипломатии возрастает, поскольку именно глубокое понимание мотивации акторов позволяет выстраивать эффективные каналы коммуникации и предотвращать кризисные сценарии, угрожающие глобальной энергетической безопасности. Сложная паутина интересов, связывающая Персидский залив со всем миром, требует постоянного мониторинга и переоценки устоявшихся догм.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Антонова Н.Г. Отношения России и Саудовской Аравии в XXI веке: современное состояние и перспективы сотрудничества // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 12 (69).
2. Гаспарян А.Ю., Мелконян Т.А. Международно-политические аспекты деятельности ОПЕК+ в контексте энергетической дипломатии России

- и Саудовской Аравии до и после начала СВО // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 2.
3. **Жданова В.А., Ивина Н.В.** Международные экономические отношения Саудовской Аравии с США: нефтяной фактор // Экономика строительства. 2024. № 7.
4. **Жуков С.В., Копытин И.А., Резникова О.Б.** Саудовская Аравия на мировом рынке нефти // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 9.
5. **Иванов А.С., Матвеев И.Е.** Современная мировая энергетика: борьба за единство (целостность) экспортной политики вопреки нападениям из-за океана // Бурение и нефть. 2019. № 10.
6. **Измайлов Р.А.** Экономическая эффективность внедрения цифровых двойников в нефтегазовом производстве // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 7.
7. **Лютин Г.В.** Саудовская Аравия на мировом рынке нефти // Валютное регулирование. Валютный контроль. 2025. № 9.
8. **Мелкумян Е.С.** Мирная инициатива Саудовской Аравии в контексте ее внешней политики // Ближний Восток и современность. 2002. № 15.
9. **Останин-Головня В.Д., Афанасьев В.И.** Энергетический фактор в развитии внешней политики Саудовской Аравии на современном этапе // Геоэкономика энергетике. 2024. Т. 26. № 2.
10. **Салыгин В.** Международное энергетическое сотрудничество в АТР: страны региона демонстрируют приверженность целям повышения энергетической безопасности на глобальном и региональном уровне // Мировая энергетическая политика. 2003. № 3.
11. **Сурков А.Н.** Изменение модальности ирано-саудовских отношений как фактор мирового рынка нефти // Ближний и Постсоветский Восток. 2023. № 2 (2).
12. **Халова Г.О.** ОПЕК+ на глобальном энергетическом рынке // Экономическое развитие России. 2025. Т. 32. № 7.
13. **Хартуков Е.М.** Нефть Саудовской Аравии: международные и экономические аспекты // Деловой журнал Neftegaz.RU. 2024. № 7 (151).
14. **Хренов В.В., Ситников В.** Влияние внешнеполитических факторов на энергетическое сотрудничество Республики Корея и стран Персидского залива // Уральское востоковедение. 2018. № 8.
15. **Шариф Л.Х.** Нефтегазовый сектор Саудовской Аравии: контракты, ключевые покупатели, и SWOT-анализ отрасли // Экономика строительства. 2025. № 4.

A.I. VILDANOV

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia

ENERGY DIPLOMACY OF SAUDI ARABIA AND IRAN AND ITS IMPACT ON THE SUSTAINABILITY OF GLOBAL OIL MARKETS AND OPEC+ MECHANISMS

The article analyzes the energy diplomacy of Saudi Arabia and Iran as a key factor in the sustainability of global oil markets amid the transformation of OPEC into the OPEC+ format and growing uncertainty associated with sanctions regimes, geopolitical confrontation, and the energy transition. It is shown that the Saudi strategy relies on the role of «swing producer,» the institutionalization of production coordination, and legitimate investment-infrastructure mechanisms to secure positions in Asian markets, whereas the Iranian approach is shaped by the logic of the «resistance economy,» prioritization of short-term price maximization, and the use of flexible, often opaque, export and payment channels. A comparison of doctrinal positions reveals semantic divergences in the interpretation of «stability» and «fair price,» which amplifies the negotiation effects of hidden conflict despite formal agreement. Changes in the diplomatic toolkit from quota policy to financial schemes, logistics, and informational support are examined, as well as the influence of domestic decision-making mechanisms: the Saudi vertical structure and Iranian polycentrism with a notable role of security structures. The conclusion is drawn that the sustainability of OPEC+ is maintained through conflict management and mediating capabilities of external actors amid persistent structural contradictions.

Key words: energy diplomacy, Saudi Arabia, Iran, OPEC+, sustainability of oil markets.